

ВАРНИТСО И АКАДЕМИЯ НАУК СССР (1927—1937 гг.)

И. А. ТУГАРИНОВ

После Октябрьской революции пришедшие к управлению страной кадры были окрылены реальной возможностью преобразования устаревших структур государства в новые, как тогда надеялись, идеальные социалистические организации. Легко понять причины, по которым они воспринимали Академию наук — научное сообщество с давно сложившимися традициями — с раздражением. Было велико желание включить ее в общий поток обновления. Уже в 1918 г. сотрудники Научного отдела Наркомпроса РСФСР В. Т. Тер-Оганесов и Л. Г. Шапиро предложили заменить Академию ассоциацией дисциплинарных союзов, а существующий порядок выборов членов академии — всероссийскими конкурсами. Однако вмешательство В. И. Ленина воспрепятствовало этим планам [1, с. 212—213]. В последующие годы система учреждений Академии наук активно развивалась. За 10 послереволюционных лет в стране были также созданы мощные научные организации, подчиненные ведомствам — Научно-техническому управлению Высшего Совета Народного Хозяйства СССР (НТУ ВСНХ), Главному управлению научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Народного комиссариата просвещения РСФСР (Главнауке Наркомпроса), Наркомздраву, Наркомвоену и др. В Госплане координацию научных исследований осуществляло Бюро съездов по изучению производительных сил. Ученый комитет ЦИК СССР руководил учреждениями общественно-научного профиля [2].

В 1927 г. Совнарком СССР утвердил новый (первый советский) устав Академии наук СССР, согласно которому она сохраняла статус высшего научного учреждения страны. При СНК СССР была создана возглавляемая А. С. Енукидзе Комиссия по содействию работам АН СССР, обеспечившая непосредственную связь Академии с правительством. Большую роль стал играть Комитет содействия индустриализации страны — общественная организация, в которую вошли многие известные ученые [2] и на которую также опиралась Академия. Казалось, созданы организационные условия для нормального развития науки.

Ведомственная и академическая наука являлись естественными конкурентами при распределении государственного финансирования, что стимулировало их развитие. Однако это нормальное экономическое соперничество было чрезвычайно обострено курсом руководства страны, приступившего к реализации сталинской политики «Великого перелома», не только нанесшей огромный ущерб сельскому хозяйству, крестьянству, массам населения всей страны, но и обрушившей тяжелые удары на ученых и научные организации. Одной из организаций, использованных бюрократическим аппаратом для подавления своих противников, была Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНИТСО).

История ВАРНИТСО на основе архивных материалов в естественном тогда апологетическом стиле изложена в статье Л. М. Зак [3]. Деятельность ассоциа-

ции описывается также в ряде других исследований [4—6, 31]. Из этих публикаций ясно, что ВАРНИТСО вела активную агитацию за повышение политической активности ученых и мобилизацию их на ударную работу на благо социализма, осуществляла пропаганду марксистско-ленинского учения, проводила митинги и демонстрации, конференции, организовывала марксистско-ленинские университеты и семинары. В то время было невозможно изложить другие факты, рисующие создание и деятельность ВАРНИТСО в ином свете. Правда, и в этих работах было сказано, что в деятельности ВАРНИТСО на начальном этапе проявлялись левацкие настроения, стремления подменить работу профсоюзных органов, отношение к Академии наук как оплоту реакции в науке, а также отмечено, что конфликт с Академией наук был ликвидирован под руководством ВКП(б) в 1932 г. Архивные документы позволяют теперь более подробно осветить эту сторону деятельности ВАРНИТСО в истории советской науки.

Так, собирая материалы о развитии в СССР наук геохимического цикла и вникая в организационные сложности, которые пришлось преодолевать основателям геохимии академикам В. И. Вернадскому и А. Е. Ферсману, автор обнаружил, что значительная роль в этих затруднениях принадлежала ВАРНИТСО. Основной причиной являлось, по-видимому, то, что В. И. Вернадский и А. Е. Ферсман были не только крупнейшими научными авторитетами в области геолого-минералогических наук, но и учеными-организаторами, ведущими фигурами Академии наук, самостоятельность которой стала объектом атак со стороны формировавшегося государственно-бюрократического аппарата управления наукой и ВАРНИТСО.

Материалы, готовившиеся создателями ВАРНИТСО, демонстрируют скрытые мотивы и планируемую тактику борьбы с учеными, придерживавшимися традиционных этических и научных принципов. Стиль и логика этих документов, вероятно, были типичными для работников аппарата того времени и дают представление о том, как решались подобные вопросы в других учреждениях.

Идея создания Общества ученых для содействия социалистическому строительству возникла в 1926 г. у нескольких групп ученых в Ташкенте, Минске, Харькове [3, с. 96]. Имеются также документы, подписанные аспирантом И. И. Искольдским, который заручился поддержкой в создании подобного общества у члена президиума коллегии НТУ ВСНХ Л. К. Мартенса и наркома просвещения А. В. Луначарского [8, с. 55]. Однако дело создания общества взяли в свои руки другие люди.

Принято считать началом истории ВАРНИТСО 27 апреля 1927 г., когда была создана инициативная группа ученых, в которую вошли А. Н. Бах, А. И. Опарин, Б. И. Збарский, А. А. Ярилов, Б. М. Завадовский и В. М. Свердлов [3, 7]. Однако материалы фонда ВАРНИТСО в Центральном государственном архиве народного хозяйства свидетельствуют, что до этого заседания 7 апреля 1927 г. состоялось совещание ведущих представителей аппарата управления наукой, названное в протоколе «Совещание № 1».

В совещании участвовали А. Н. Бах — член коллегии ВСНХ, член коллегии НТУ ВСНХ и директор Физико-химического института им. Л. Я. Карпова; Б. И. Збарский — заместитель председателя президиума коллегии НТУ ВСНХ (и заместитель А. Н. Баха по институту); А. Я. Вышинский — ректор I МГУ, Ф. Н. Петров — глава Ученого комитета при ЦИК СССР; В. М. Свердлов — председатель коллегии НТУ ВСНХ; А. А. Ярилов — председатель Бюро съездов Госплана [8, с. 119].

Председателем инициативной группы (и будущим председателем ВАРНИТСО) стал биохимик А. Н. Бах, личность яркая и противоречивая, бывший народоволец, прошедший в эмиграции 32 года, талантливый ученый. В 1917 г. он вернулся в Россию. В 1918 г. А. Н. Бах опубликовал статью в эсеровском сборнике, направленную против большевиков, в этом же году он организовал Центральную химическую лабораторию при ВСНХ РСФСР (позже Физико-химический институт им. Л. Я. Карпова). В 1923 г. в журнале «Пролетарское студен-

чество» вскрывал несостоятельность бергсонианства, его связь с витализмом. В 1926 г. заявлял, что политикой не занимается [10, с. 162, 267]. В том же году ему, как члену президиума коллегии НТУ ВСНХ [24], были фактически подчинены все научно-исследовательские институты этого ведомства, и он стал автором проекта Общества ученых для содействия социалистическому строительству.

В первом пункте решения «совещания № 1» значится: «Общество содействия строительству социалистического хозяйства должно быть организовано в самое ближайшее время, текст декларации, а также список инициативной группы должны быть тщательно отредактированы и пересмотрены (предложение тов. Вышинского)» [8, с. 119]. Таким образом, именно участники «совещания № 1» определяли и задачи общества, и список инициативной группы, т. е. являлись истинными организаторами ВАРНИТСО. Показательно, что в опубликованном списке инициаторов А. Я. Вышинский и В. М. Свердлов отсутствуют [5, с. 68]. В пункте 3 приоткрываются экономические мотивы и цели участников совещания: «Параллельно с организацией общества необходимо в дальнейшем укреплять материальную базу научных учреждений Наркомпроса, НТУ и других ведомств и вместе с тем ослаблять материальную базу Академии наук и к ней примыкающих». Пункт 4 отражает специфику пространственного расположения группировок. Исторически сложилось, что в Москве, где находились правительственные учреждения, Коммунистическая академия и многие ведомственные институты, политические позиции лидеров научного сообщества несколько отличались от взглядов ученых Ленинграда, где доминировала Академия наук, и роль интеллигенции традиционного типа была более заметна. Этот пункт гласил: «Считать необходимым укрепление Московского научного центра, связать его ближе с провинцией, которая настроена против Академии наук и к ней примыкающих» [8, с. 119]. Известно, что провинциальные учреждения, как правило, отставали от столичных по уровню культуры (особенно в те годы), что и планировалось использовать для противодействия ученым Академии.

В записке В. М. Свердлова «Общее настроение ученых и технической интеллигенции», подготовленной для обоснования идеи общества, отмечается рост политической активности интеллигенции, начавшей осознавать свою роль в строительстве хозяйства страны. В качестве примеров приведены такие факты: на профессиональном съезде инженеров в Ленинграде в начале 1927 г. «упоминание докладчика о саботаже интеллигенции в прошлом вызвало бурю негодования и заявление, что прошлое надо забыть и на нем поставить крест» [8, с. 100], хотя, как пишет В. М. Свердлов, «раньше такие доклады только выслушивались и на них никто не реагировал» [8, с. 100]. Кроме того, ленинградские ученые начали активно бороться с идеей планирования научных исследований и решили противопоставить ВАРНИТСО другую общественную организацию. «В противовес этому Обществу (по проекту Баха и Збарского) ленинградскими учеными организуется Комитет по содействию индустриализации страны» [8, с. 102]. В качестве еще одного примера повышения активности В. М. Свердлов указывает на записку, поданную 45 членами Геологического комитета и его Ученого совета директору Геолкома о пересмотре прав Геологического комитета (подчиняющегося НТУ ВСНХ), которые «якобы ограничивают работу других учреждений», в частности Академии наук. Как подчеркивает В. М. Свердлов, «эта записка, несомненно, инспирирована Ферсманом» [8, с. 105]. Его вывод таков: «Академия наук занимает явно правое крыло, стараясь сформировать и сгруппировать около себя крупные силы и создать мощную и сильную организацию...» [8, с. 105]. Последние слова, видимо, предназначены вышестоящему руководству, от которого члены инициативной группы, как явствует из материалов, надеются получить чрезвычайные полномочия для борьбы с опасным противником. Тенденциозность В. М. Свердлова видна из его оценки отношения руководителей Академии к идее планирования: известно, что они пытались продемонстрировать руководству страны порочность этой идеи, но,

когда решение было принято и стало ясно, что его не изменить, стали сотрудничать с плановыми органами. В цитируемой записке это квалифицируется как «несомненно двуличная политика Ферсмана и Ольденбурга» [8, с. 105]. Показав таким образом силу и коварство представителей Академии, В. М. Свердлов констатирует недопустимую слабость своих представителей в Ленинграде: «В ленинградском отделении ВАИ (Всесоюзная ассоциация инженеров. — И. Т.) мы не имеем ни одного своего человека, а наше влияние на него чрезвычайно ограничено и слабо...» [8, с. 111]; «...что касается политических группировок академиков, то близкими к нам мы можем считать академиков Марра и Иоффе и, может быть, еще некоторых, которые пока что себя не проявили» [8, с. 108]. Общая оценка ситуации и предлагаемые В. М. Свердловым меры таковы: «...в последнее время в связи с выбором вице-президентом Академии академика Ферсмана начинает проявляться большая активность Академии наук, а в связи с тем, что после юбилейных торжеств (200-летия Академии. — И. Т.) ей была создана широкая популярность, и она получила возможность непосредственных сношений с президиумом ЦИК союзных республик и автономных областей, — ее значение в стране несомненно выросло. Есть стремление к монополии по организации экспедиций, международных выступлений от имени советской науки, организации международных съездов...» [8, с. 107]. «Мы считаем необходимым изменить Устав Академии наук в таком смысле, чтобы она не являлась замкнутой организацией, с одной стороны, а с другой стороны, чтобы избрание академиков не находилось бы в зависимости от „бессмертных“, а в нем принимали бы участие более широкие круги лиц» [8, с. 155]. «Против создания Комитета содействия индустриализации страны необходимо организовать выступления в печати. Помимо статей необходимо дать директивы госорганам — не давать заданий этому комитету» [8, с. 116]. «Программа и тактика на ближайшее время сводятся к тому, чтобы: ослабить связь Академии наук с союзными республиками и автономными областями, вместе с тем изменить ее устав в вышеуказанном смысле ... для укрепления Общества ученых и для укрепления научно-исследовательских правительственных учреждений — давать в дальнейшем больше правительственных заданий (этим учреждениям. — И. Т.)» [8, с. 117]. «...В целях политического влияния на ленинградских ученых помимо создания Бюро при Госплане организовать мощное отделение Госплана в Ленинграде» [8, с. 118]. Рекомендация эта была выполнена. В 1930 г. по Постановлению ЦИК и СНК СССР создается секция науки в секторе науки и культуры Госплана СССР [10]. Вопрос о политическом влиянии на ленинградских ученых, членов Академии, был решен кардинально: в 1934 г. Академию наук перевели в Москву.

Важным для понимания методов ВАРНИТСО представляется и другой документ, — видимо, проект решения инициативной группы. В нем говорится: «Инициативная группа приходит к необходимости различать следующие основные течения: 1) группа активных советских работников, идейно солидарных с коммунистической партией и советской властью; 2) группа промежуточных и колеблющихся; 3) группа противников советской власти, тайно или явно враждебных социалистическому строительству» [8, с. 90]. В отношении каждой группы была выработана соответствующая тактика действий. Для группы работников «чистой науки», наивно верящих в возможность отделения науки от политики, ненавидящих советскую власть, но умывших руки и не вмешивающихся активно в общественно-политическую жизнь и занятых по преимуществу своими «специальными научными и техническими интересами» [8, с. 91], рекомендовалось «использовать всячески ошибки и промахи руководящей верхушки этой группы для того, чтобы поколебать их авторитет не только за пределами их науки, но и внутри их специальности, поскольку их научный авторитет часто строится на рекламе и ложном гипнозе имен...», и предлагалось наносить «не прямой непосредственный удар по ней, но по их окружению и той массе, которая может их поддерживать» [8, с. 96]. Как видим, эти рекомендации были

выработаны уже в 1927 г., до Шахтинского дела (1928) и до судебных процессов по делам «Промпартии», «Трудовой крестьянской партии», «Союзного бюро РСДРП» (1930—1931 гг.) и другим менее известным делам, в результате которых были ошельмованы и репрессированы многие ученые и деятели народного хозяйства. Подобная тактика использовалась, например, в отношении В. И. Вернадского. Поскольку этого крупнейшего ученого невозможно было ни репрессировать, ни скомпрометировать, были нанесены удары по его окружению: высланы его сотрудник Л. С. Сергеевич, родственница Е. П. Супрунова, арестованы ученики и сотрудники — Б. Л. Личков, А. К. Болдырев, В. В. Аршинов, Б. К. Бруновский, В. А. Зильберминц, А. М. Симорин, ближайший друг В. И. Вернадского Д. И. Шаховской и мн. др. [14]. Против ученых, менее полезных социалистическому хозяйству, считалось возможным применение любых методов: «В отношении лиц этой группы..., не обладающих высокой научной квалификацией, — прямая и открытая борьба вплоть до полного их морального уничтожения» [8, с. 96].

Среди основных задач Общества в этом документе называются «завоевание совместно с партийными органами командных высот в основных областях науки и промышленности, подчинение своей гегемонии остальных группировок» [8, с. 97]. О взаимоотношениях с партией сказано: «Официально — полная независимость, фактически — право свободной критики и право самостоятельности, обеспечение за нами ответственной инициативы и свободы в действиях в пределах, не нарушающих основные принципы внутрипартийной демократии, право борьбы с изломами и уклонами в политике отдельных товарищей (не групп) в области устранения недостатков советского механизма» [8, с. 99]. Сразу же после организации Общества планировалось влить в него партийную интеллигенцию [9, с. 99]. Процесс организации Общества контролировался самими высокими представителями государства и партии. В материалах [9, с. 85] приводится текст деклараций ВАРНИТСО с пометкой: «одобренный Молотовым» (председатель Совнаркома СССР). Сохранилась также копия письма от 16.06.27 А. Н. Баха к члену Политбюро Н. И. Бухарину, где он пишет: «В дополнение к беседе, которую мы имели с Вами, когда Вы посетили наш Институт, посылаю Вам копию декларации и список лиц, подписавших ее... Не зная еще Ваших решений относительно нашего общества, мы принуждены пока воздержаться от осведомления широких кругов, сочувствующих нашему делу» [8, с. 83]. Вскоре решения состоялись и, по-видимому, на самом высоком уровне, так как 15 октября 1927 г. декларация ОРНИТС (так вначале именовалось это общество, в конце 1927 г. переименованное в ассоциацию — ВАРНИТСО) публикуется в «Правде» с восторженными комментариями [15].

В ходе подготовки к учредительной конференции инициаторы создания Ассоциации развернули кампанию в печати, стали систематически выступать на собраниях научных коллективов. О реакции ученых они регулярно докладывали на заседаниях Бюро инициативной группы. Из докладов ясно, что многие представители интеллигенции разобрались, к чему приведет создание этого Общества. Так, член инициативной группы Е. С. Гендлер докладывал: «Некоторые инженеры меня спрашивают: что вы такое — филиальное отделение ГПУ, тогда так и скажите; если это партия, то почему вы не вступаете в коммунистическую партию — только потому, что вы не сможете получать тогда таких больших окладов, как теперь получаете (из-за партмаксимума. — И. Т.). Если вы сочувствуете ВСЕМ начинаниям советской власти, то для нас вопрос ясен, мы себе представляли, что и партийцы сочувствуют не всем начинаниям ее, значит, вы большие партийцы, чем члены партии, а так может рассуждать только ... отдел ГПУ» [13, с. 51]. Агитаторы общества старательно подчеркивали, что в декларации говорится о праве общества на критику мероприятий власти. Однако и это не помогло. Так, сотрудник Менделеевского химико-технологического института Н. А. Чичинадзе в ответе члену инициативной группы А. И. Опарину заявил, что планируемое общество — «это живая церковь и не бу-

дет пользоваться успехом, как не пользуется и первая, что интеллигенция за нами (за Опариным и др.— И. Т.) не пойдет, так как интеллигенция знает всех лиц, подписавших декларацию. Говорил он о критике, что сначала обрадовался, считал это отдушиной для спертго воздуха, но что теперь он видит, что его надежды тщетны ... что будут поручать кому-нибудь из своих писать статьи в дискуссионном порядке и сами же на них отвечать» [13, с. 31]. Б. И. Збарский отмечал, что даже часть ученых и инженеров — членов партии считает, что «заводить общество, которое не старается объединить всей массы интеллигенции, а наоборот, даже стремится ввести водораздел и некоторую борьбу с частью этой интеллигенции,— не следует» [13, с. 56].

Однако сталинский курс внедрялся все жестче. Открывшийся 2 декабря 1927 г. XV съезд ВКП(б) признал необходимым «особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте», отметил «враждебное пролетарской диктатуре влияние на определенные слои служащих и интеллигенции» [12, с. 319—320]. 21 февраля 1928 г. Устав ВАРНИТСО утверждается на объединенном заседании СНК СССР и СТО (Совет труда и обороны) [3]. Довольно быстро была созвана первая конференция ВАРНИТСО (23—26 апреля 1928 г.). На ней были обсуждены доклады Б. И. Збарского «Интеллигенция и социалистическое общество», О. Ю. Шмидта «О роли высшей школы в социалистическом строительстве», деятельность инициативной группы и задачи ассоциации, а также был избран президиум ВАРНИТСО во главе с А. Н. Бахом. Ученым секретарем был сначала Б. И. Збарский, а затем В. М. Свердлов. Организация отделений ВАРНИТСО шла по всей стране. 10 мая 1928 г. отделение ВАРНИТСО было создано в Ленинграде [9]. В эти же дни (в мае — июле) в Москве проходил судебный процесс над группой специалистов, обвиняемых во вредительстве,— Шахтинское дело [11], которое еще более активизировало деятельность ВАРНИТСО и помогло ассоциации выйти из кризиса, о котором упоминается в передовой первого номера журнала «ВАРНИТСО», организованного при поддержке ЦК ВКП(б) [16]: «...Первые шаги деятельности ВАРНИТСО показали, что обстановка работы Ассоциации более трудна, чем можно было бы предположить. Самый факт создания Ассоциации произвел расслоение в среде интеллигенции, и правая часть ее повела борьбу с ВАРНИТСО, угрожая служебному положению и научной работе членов Ассоциации. Ряд лиц, отчасти из боязни политически отмежеваться от правых, ушли из Ассоциации. Часть оставшихся, не находя форм конкретной работы, предавалась сомнениям. Пришлось в многочисленных заседаниях, дискуссиях и спорах выковырывать основные методы предстоящей работы ВАРНИТСО» [17]. Неудивительно, что часть интеллигенции, разобравшись в сути дела, ушла из общества, что же касается угроз деятелям ВАРНИТСО, то из последующих событий ясно, что смертельному риску подвергался именно тот, кто выступал против ВАРНИТСО.

В 1929 г. в ВАРНИТСО состояло 766 членов (из них членов ВКП(б) — 120, профессоров — 200, научных работников — 170, инженеров — 150, преподавателей — 50, агрономов — 50, врачей — 50, остальных — 97). Имелось 24 губернских и областных отделения. В Московском отделении (председатель президиума А. А. Ярилов, ответственный секретарь Б. А. Дунаев) состоял 231 человек. В Ленинградском отделении (председатель — проф. В. И. Коваленков, секретарь — инженер А. И. Омельченко) числилось 84 человека [18].

Параллельно с созданием ВАРНИТСО государственный аппарат принял меры по укреплению своего влияния в Академии.

В Уставе АН СССР, утвержденном 27 мая 1927 г., право на выдвижение в члены Академии было предоставлено не только академикам, но и научным и учебным заведениям, а также отдельным ученым и группам ученых. Постановление СНК СССР от 3 апреля 1928 г. вдвое увеличило число кафедр [5]. Началась подготовка к выборам впервые при активном участии общественности и, конечно, ВАРНИТСО. После долгих обсуждений в 11 выборных комиссиях, в которых участвовали ученые, представляющие учреждения союзных

республик, в число которых попали многие руководители науки, в декабре 1928 г. на заседаниях отделений были избраны 42 академика и среди них 8 ученых-коммунистов. Однако на общем собрании Академии, состоявшемся 12 января 1929 г., на окончательной баллотировке три кандидата-коммуниста — А. М. Деборин, Н. М. Лукин и В. М. Фриче, не получившие необходимые 2/3 голосов, не были избраны [5].

Как рассказывал на заседании ВАРНИТСО акад. А. Н. Бах [19, с. 8], на состоявшемся после выборов заседании Академии А. П. Павлов заявил, что «выбирать в Академию надо мировые величины, а не рядовых людей, какими, без сомнения, являются кандидаты в Академию: Деборин, Лукин, Фриче» [10, с. 8]. Его поддержал китаевед В. М. Алексеев, отметивший, что все работы этих трех кандидатов можно прочесть в газетах [19, с. 8]. Им противостоял сам А. Н. Бах, только что избранный академиком: «Академия приняла на себя обязательства перед правительством, которые не выполнила ... и невыполнение обязательств приведет Академию к банкротству» [19, с. 8]. На замечание о том, что перевыборы — это нарушение устава, он вновь повторил, что «лучше нарушить устав, чем быть банкротами». Его предложение о перевыборах поддержали такие академики, как С. Ф. Ольденбург, Н. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе [19, с. 8]. По решению общего собрания Академии ее президиум обратился в СНК СССР с просьбой разрешить перевыборы. Разрешение было дано, но только на эти три кандидатуры, причем голосование должно было состояться на общем собрании уже в новом составе Академии. В этих условиях 13 февраля 1929 г. указанные три кандидата были избраны.

Однако в печати уже с 12 января все настойчивее звучала резкая критика. «Академия, — писал А. В. Луначарский, — должна была понимать, что она держит экзамен на то ... насколько способна выдержать довольно трудную операцию ее советизации» [20]. Он ставил вопрос о радикальной реформе Академии наук.

На заседании ВАРНИТСО от 3 февраля 1929 г. А. Я. Вышинский предложил записать в решение, что «Академия в настоящем своем составе не удовлетворяет требованиям социалистического строительства, необходима коренная реорганизация ее в соответствии с принципами и задачами СССР ... попытка правительства изменить лицо Академии, пополнив ее новыми силами, оказалась неудачной и не дала того, что надо Союзу» [19, с. 11].

Через день в газетах «Правда» и «Известия» появилась резолюция ВАРНИТСО, касающаяся Академии: «Академия наук в настоящее время еще находится во власти реакционных традиций и кастовой ограниченности. Благодаря этому, при наличии крупных работ отдельных академиков, она не сумела связать свою работу с нуждами и потребностями социалистического строительства и не является организацией, руководящей научной жизнью Союза. Творческая научно-исследовательская работа после Октября пошла в значительной мере мимо Академии наук. ВАРНИТСО считает необходимым настаивать на полной реорганизации Академии наук. Устав Академии наук, ее состав, а также ее роль и место в общей системе научной работы Союза должны быть поставлены на обсуждение широкой общественности» [20]¹.

После того как пропаганда ВАРНИТСО, Шахтинский процесс и раздувание инцидента с выборами накалили общественное мнение, Наркомату рабоче-крестьянской инспекции (НК РКИ) было поручено организовать чистку Академии наук. Весной 1929 г. в Академию была направлена комиссия во главе с членом коллегии НК РКИ Ю. П. Фигатнером (в будущем главным кадровиком Наркомтяжпрома). О начале проверки он рассказывал в печати: «Я видел много засоренных аппаратов, но такого, как в Академии наук, никогда. Мы проверили 269 человек. Проверку остальных пришлось отложить до второй половины

¹ От редакции: в одном из выпусков ВИЕта в 1990 г. будет опубликована статья А. В. Кольцова «Выборы в Академию наук СССР 1929 г.».

октября, так как около 400 человек находятся в отпусках или участвуют в экспедициях. 78 человека мы сняли с работы единогласным решением комиссии, из них 26 человек по первой категории» [21], т. е. без права приема в советские учреждения. Комиссия не только увольняла, но и искала «компромат» на неугодных руководителей Академии, и он был найден: в Библиотеке АН СССР, Пушкинском доме и других учреждениях были обнаружены политические документы, в том числе оригиналы отречений Николая II и Михаила Романова, документы ЦК партии кадетов. Фракция академиков-коммунистов сочла, что материал «достаточный для уличения Ольденбурга в крупных упущениях» [5, с. 197]. Непременный секретарь Академии С. Ф. Ольденбург был снят распоряжением правительства и заменен акад. В. Л. Комаровым, организатором отделения ВАРНИТСО на Дальнем Востоке. Вице-президент акад. А. Е. Ферсман подал в отставку, которая была принята [22]. Еще два кадровых изменения, намеченных создателями ВАРНИТСО в 1927 г., были реализованы. Чистки проводились и в других научных учреждениях. Подобная проверка Геолкома была проведена Наркоматом РКИ в 1928—1929 гг. Директор Геолкома Д. И. Мушкетов в результате вынужден был подать заявление об отставке [23]. Таким образом, претензии к Геолкому, высказанные в записке В. М. Свердлова в 1927 г., также были удовлетворены.

Стиль действий создателей ячеек ВАРНИТСО на местах был вполне определенным. Так, «энтузиасты», вначале безуспешно пытавшиеся создать отделение ВАРНИТСО в ГИПРОМЕЗе (Проектный институт металлопромышленности) и не получившие поддержки коллектива и месткома, опубликовали в газете статью о существующем, по их мнению, вредительстве в институте. Статья вызвала бурю негодования в коллективе. На пленуме месткома такие методы были признаны недостойными. Участники пленума заявили, что при такой тактике ВАРНИТСО «ни один уважающий себя инженер к ним не пойдет». Эту позицию поддержали и ряд членов ВКП (б). «Вскоре после этого ОГПУ групповыми арестами ряда инженеров ГИПРОМЕЗа дало подтверждение приведенной заметке» [26, с. 81], и ячейка ВАРНИТСО в этом институте была незамедлительно организована. Информация о происшедшем была тут же опубликована в журнале ВАРНИТСО в качестве примера для подражания. Чтобы противостоять подобному натиску, многие ученые постоянно пытались повернуть ВАРНИТСО на конструктивный путь. С. Ф. Ольденбург после снятия с поста постоянного секретаря продолжал бороться за Академию. В январе 1931 г. он вступил, несмотря на противодействие, в коллектив ВАРНИТСО Академии наук². Он смог удержаться в составе ВАРНИТСО и во время чистки 1931 г. [27]. А. Е. Ферсман, выступая перед собранием Ленинградского отделения ВАРНИТСО, призывал решать актуальные проблемы, стоящие перед советской наукой, встать на позитивный путь реального содействия строительству социализма и даже ставил перед ВАРНИТСО конкретные задачи [28]. В 1929 г. коллектив ВАРНИТСО Ленинграда возглавил Н. И. Вавилов, и еще многие известные ученые вошли в его состав. В 1932 г. в редакцию журнала «Фронт науки и техники» (совместный орган ВАРНИТСО и профсоюза работников высшей школы и научных учреждений) вошли С. Ф. Ольденбург и А. Е. Ферсман [25]. И хотя не во всех подразделениях ВАРНИТСО удалось попытки переориентировать их деятельность только на позитивные задачи, думаем, они не были напрасными. О том, к чему привела бы победа подобных негативных тенденций, мы теперь хорошо знаем по истории лысенковщины.

Особенно увеличился прилив ученых в ВАРНИТСО после речи И. В. Сталина на совещании хозяйственников 23 июня 1931 г. [30], в которой он, провозгласив шесть принципов хозяйственного строительства, констатировал поворот интеллигенции к советской власти и осудил «спекедство». Эта речь была призвана

² Коллектив (ячейка) ВАРНИТСО в Академии наук был впервые создан в декабре 1930 г. Его возглавил акад. А. Н. Самойлович [4].

сыграть роль, похожую на ту, которую сыграла статья «Головокружение от успехов», в истории коллективизации. Политика подавления интеллигенции не была отменена, но была смягчена и некоторое время продолжалась другими методами.

Академия наук и ее подразделения в последующие годы еще не раз становились объектом преобразований. В 1930 г. Устав Академии был вновь пересмотрен и ее права были снова урезаны. Руководство многими ее комиссиями и подразделениями перешло в другие руки. В 1936 г. уже переведенная в Москву Академия наук была слита с Коммунистической академией. Деятельность ВАРНИТСО тем временем продолжалась. Многие из тех, кто начал свою карьеру в ВАРНИТСО, получили высокие посты. В 1933 г. в ВАРНИТСО насчитывалось уже 15 тысяч членов [29], и ее ряды продолжали расти. И этот рост, и политика руководства страны смягчили стиль деятельности этой организации. К этому времени она не была уже организацией узкого круга экстремистов, а становилась все более массовой. В 1937 г. ВАРНИТСО стала не нужна: функция подавления была полностью передана органам НКВД.

Конечная дата исчезновения ВАРНИТСО до сих пор неизвестна. В справке Центрального государственного архива народного хозяйства СССР приводится только конечная дата имеющихся документов — 20 марта 1937 г. [7]. Журнал «Фронт науки и техники», совместный орган ВАРНИТСО и ЦК Союза работников высшей школы и научных учреждений, в 1937—1938 гг. уже не освещал работу ВАРНИТСО и его отделений. В сентябре 1938 г. он был слит с другим журналом, «с августа 1939 г. наименование ВАРНИТСО исчезло с титульного листа» [7]. В архиве часть зарегистрированных документов ВАРНИТСО была позднее уничтожена, например, проект доклада, написанного Д. А. Шепелем для ВАРНИТСО на тему «Всенародное содружество — внегосударственное и внеисповедное — во имя науки и совести». Таким хотел видеть ВАРНИТСО автор доклада и, вероятно, многие ученые страны. Но не те, кто создавал Ассоциацию, и не те, кто потом поставил в описи резолюцию: «Доклад носит явно контрреволюционный характер». Текст был уничтожен, о чем сообщает штампик «Выбыло», стоящий против очень многих материалов этого фонда [7], их мы скорее всего никогда не увидим. Многие авторы, видимо, разделили судьбу своих материалов, включая даже тех, кто сыграл недобрую роль в истории отечественной науки. Но на их место приходили новые люди, и волны преобразований еще не раз захлестывали различные научные направления.

Литература

1. Багракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973.
2. Организация советской науки в 1926—1932 гг.: Сборник документов. Л., 1974.
3. Зак Л. М. Создание и деятельность ВАРНИТСО в 1927—1932 годах // История СССР. 1959. № 6. С. 94—107.
4. Кольцов А. В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения (1926—1932). Л., 1982.
5. Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971.
6. Советская интеллигенция (История формирования и роста 1917—1965 гг.). М., 1968.
7. ЦГАНХ. Ф. 4394. Оп. 1. Описание фонда. С. 1.
8. ЦГАНХ. Ф. 4394. Оп. 1. Ед. хр. 1. С. 90—120.
9. Правда. 24 апр. 1928 г. С. 3.
10. Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. 1987.
11. Правда. 6 июля 1928 г.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. II. М., 1954.
13. ЦГАНХ. Ф. 4394. Оп. 1. Ед. хр. 7. С. 31—56.
14. Микулинский С. Р. Несколько штрихов к портрету: // Микулинский С. Р. Очерки развития историко-научной мысли. М., 1988. С. 241—260.
15. Правда. 15 окт. 1927 г.
16. Известия ЦИК. 27 апр. 1930 г.
17. Социалистическое строительство и ВАРНИТСО / [Передовая] // ВАРНИТСО. 1929. № 1. С. 1—2.
18. Хроника // ВАРНИТСО. 1929. № 1. С. 11.
19. ЦГАНХ. Ф. 4394. Оп. 1. Ед. хр. 33.

20. Известия ЦИК. 5 февр. 1929 г.
21. Известия ЦИК. 4 сент. 1929 г.
22. Зеленко В. А. Реконструкция Всесоюзной академии наук // Научный работник. 1930. № 11—12. С. 56—67.
23. ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 7. Ед. хр. 2994. С. 50—52.
24. ЦГАНХ. Ф. 3429. Оп. 7. Ед. хр. 2345. С. 69.
25. Список членов редколлегии // Фронт науки и техники. 1933. № 4/5. С. 1.
26. Зильберталь. ВАРНИТСО в ГИПРОМЕЗе // ВАРНИТСО. 1930. № 9/10.
27. Архив АН СССР. Ленинград. отд. Ф. 245. Оп. 1. Д. 1. С. 5—14.
28. Архив АН СССР. Ленинград. отд. Ф. 245. Оп. 1. Д. 10. С. 1.
29. Валескалн П. И., Свердлов В. М. Итоги объединенного пленума СНР и ВАРНИТСО // Фронт науки и техники. 1933. № 4/5. С. 1—7.
30. Сталин И. В. Новая обстановка — Новые задачи хозяйственного строительства // Сталин И. В. Вопросы ленинизма. М., 1936. С. 448—466.
31. Есаков В. Д. Наука и социалистическое строительство // Советская культура в реконструктивный период. М., 1988. С. 258—311.

VARNITSO AND ACADEMY OF SCIENCES

(1927—1937)

I. A. TUGARINOV

The creation and work of the All-Union association of workers of science and technology for promulgation of socialist construction (VARNITSO) are illuminated. It is shown, that this organisation, created with the help of state apparatus by the group of left oriented organizers of science, had played negative role in reconstruction of Academy of Sciences and other scientific organizations using the methods intrinsic to the period of «great change».

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ ПО ИСТОРИИ НАУКИ

А. И. ВОЛОДАРСКИЙ

В августе 1928 г. в Осло, на VI Международном конгрессе исторических наук, главные редакторы и руководители историко-научных журналов и периодических изданий разных стран организовали Международный комитет истории науки, преобразованный в 1935 г. в Международную академию истории науки [1]. Инициатива созыва комитета принадлежала профессору Римского университета итальянскому историку науки Альдо Миели, главному редактору журнала «Архейон. Архив истории науки» («Archeion. Archivio storico della scienza»). По разработанному уставу Международный комитет истории науки имел широкую структуру и включал ученых из многих стран; были предусмотрены 30 действительных членов и 50 членов-корреспондентов, критерием избрания которых служило качество их работ. Такой устав обеспечивал рост числа историков науки и повышение их научной квалификации.

17 августа 1928 г. в Осло состоялись выборы; первыми действительными членами будущей Международной академии истории науки стали А. Миели (Италия), профессор истории и философии науки Сорбонны А. Рей (Франция), профессор истории науки Гарвардского университета Дж. Сартон (США), профессор истории медицины А. Сигерист (Швейцария), профессор истории биологии Лондонского университета Ч. Сингер (Великобритания), профессор истории медицины Лейпцигского университета К. Зудхофф (Германия), профессор истории Колумбийского университета в Нью-Йорке Л. Торндайк (США).

Комитет и созвал I Международный конгресс по истории науки, который проходил с 20 по 25 мая 1929 г. в Париже. На нем присутствовало около 40 делегатов. С докладом «История техники — новая вспомогательная дисциплина, ее создание, современное состояние и задачи» выступил Ф. Фельдхаус (Германия); профессор Мюнхенского университета Х. Динглер рассказал о работах французского математика XIV в. Николая Орема; чешский ученый К. Феттер — о рукописях, хранящихся в пражских библиотеках, и об издании рукописи Н. Ко-